
Как легко, как приятно писать путевой очерк, пробыв несколько дней в Новгороде! Можно начать с вагонных разговоров о том, что все новгородцы — патриоты своего города. Потом написать о давней старине и о перспективах новгородской промышленности в конце XX века. О том, как город восстал из пепла после окончания Отечественной войны. Помянуть Садко, Ваську Буслаева, посадницу Марфу. Противопоставить величавую простоту Софии XI века чугунной безвкусице памятника «Тысячелетия России» XIX-го. Отметить размах реставраторских работ, хорошую экспозицию музея, обилие товаров в новых магазинах, а заодно и посетовать на однообразную, хотя и добротную новую застройку. Снова вернуться к монастырям, раскопкам, берестяным грамо-

Е. Полякова

Новгород, Кремль, 6...

*Детинец.
Южная
половина*

Что такое театр, который находится не просто в областном городе, а в городе Новгороде? Стоит ли забывать об истории города и как соединить ее с сегодняшней жизнью театра — обо всем этом размышляет автор статьи.

там... И как трудно писать о новгородском театре! Насколько сам город уникален в мировой истории, настолько его сегодняшний театр напоминает другие периферийные театры. Причем, не театры многих наших поволжских или сибирских городов, славные живыми традициями и актерскими именами. Но те театры, к которым все еще продолжает подходить старый эпитет — провинциальные. С их труппой, сформированной так, что и «Грозу» в ней ставить не с кем — нет героини, и для «Горя от ума» найдется несколько Скалозубов, но ни одного Чацкого. С молодежью, приехавшей после окончания ленинградских театральных школ и уезжающей после первого сезона («Я думал — это совсем близко, меньше четырех часов езды от Ленинграда, а здесь — что же? Лучше в Горький податься»). С репертуаром, составляющим ту неопровержимую го-

довую сводку, из которой мы с удивлением узнаем, что первое место по количеству постановок в стране занимает «Цыган». Со скучными и редкими афишами, с тусклыми программками, уведомляющими, что дети до 16 лет на вечерние спектакли не допускаются и что театр находится в ведении Управления культуры Новгородского облисполкома. Значит, ко всем трудностям добавляются еще и трудности жизни областного театра, который то и дело грузится в свой потрепанный транспорт и едет обслуживать свои райцентры и лесные села. Нового спектакля на выезде не сретитируешь, новой пьесы не найдешь — это заботы городской жизни, в которой снова наваливается план, крутит текучка. Руководство театра жалуется на отсутствие хороших новых пьес, молодежь жалуется, что с ней не работают, что с квартирами плохо — словом, беды и заботы многих театров словно бы сосредоточились в Новгородском областном.

Непохож он на другие театры тем, что расположен не где-нибудь, а в самом Кремле, в Детинце. Вереницы экскурсантов спешают мимо него, и экскурсоводы, да и любые встречные новгородцы (они, действительно, патриоты своего города, хотя большинство обосновалось в нем после войны) водят их по Грановитой палате с ее серебряными паникадилами, с евангелиями, восхваляющими бедность, но усыпанными самоцветами, долго толкуют символику и назначение каждой группы «Тысячелетия России». Длинное здание неопределенного цвета, в котором расположен театр, исторического значения не имеет и в путеводителях не упоминается. Спросите: «Что это?» — получите ответ: «А это наш театр». И патриот проведет вас мимо, к высокому берегу Волхова и будет радоваться вашему восхищению при виде зеленой быстрой реки и белой россыпи церквей на Торговой стороне. Спросим, что он видел последний раз в театре, — он чаще всего назовет ленинградский спектакль, потому что невяская столица действительно близко от Новгорода, а телевидение еще сокращает расстояние. Собираясь в Ленинград, просят родственников заранее достать билеты в Большой драматический. В свой театр не ходят, но забредают. В его зале несколько десятков человек: солдаты, с которыми ведут культуработу, случайные командировочные, две поклонницы молодого актера. Поеживаются (в зале не так холодно, чтобы сидеть в пальто, но прохладно), пьют лимонад во время антракта и чинно гуляют по неуютному длинному фойе.

Чаще всего им показывают те пьесы, которые идут в десятках театров страны и главенствуют в репертуарной сводке. Театр заинтересовался ими не потому, что они очень хороши, но потому, что легко расходятся, потому что репе-

тиции их легко укладываются в пятнадцать-семнадцать «точек». Сшить костюмы, подобрать мебель, распечатать роли, «развести» актеров. Какой там «подтекст», какие споры о жанре! Это ведь не «Вишневый сад», не «На дне». Пьесы и постановки их рассчитаны на того среднего зрителя, который в книжном магазине покупает исключительно новинки детективного жанра, в кино тоже предпочитает фильмы о разведчиках и резидентах в темных очках, в театре хочет смотреть «что попроще». Если не про разведчика, так чтобы была любовь и разлука, а конец все-таки получился бы благополучный. Вот для него и идет на сцене пьеса Валерия Тура «Больше не уходи».

В этом спектакле, в деталях его намечаются возможности театра. Современны и лаконичны «наплывы» над сценой, позволяющие легко менять и обозначать места действия. Трогают вдруг две девчонки — Надя-большая (А. Левицкая) и особенно Надя-маленькая (В. Крюкова) — продавщица и медсестра, принарядившиеся для вечеринки у знакомого с высшим образованием и сбежавшие с этой вечеринки; старая машинистка (Е. Новская) у которой снимает «угол» непутевая Светлана, напоминает знакомую московскую машинистку. Но потому так заметны эти второстепенные роли, что в решении ролей главных и вообще главной темы нет ничего, кроме уверенного, но невысокого профессионализма, который тоже заставляет вспомнить обидное слово — «провинция».

И вот оказывается, что средний, простодушный любитель детективов не идет на такой спектакль. Может быть, он предпочитает читать «Дело пестрых». Может, забывает «козла». А может, смотрит фильм «Твой современник» или «Мужчину и женщину»: кино действительно могущественнейший соперник, можно сказать — соперник-победитель новгородского театра. И не потому, что билеты в кино стоят дешевле, а за телеспектакль и вовсе не надо платить денег, но потому, что в театр идут только в том случае, если он дает иное, чем кино и телевизор. И разводит руками администратор: что им нужно — и любовь в спектакле есть и современность, а не идут...

Действительно, в репертуаре новгородцев много спектаклей, сочетающих любовь и современность: «Цыган», «Четыре креста на солнце», «Больше не уходи». Есть и спектакль, без которого лет пятнадцать тому назад вообще не существовал ни один мало-мальски уважающий себя периферийный театр: посвященный так называемой «местной» теме и написанный «местными» авторами.

На программе спектакля «Крещенные огнем» обозначено: «Посвящается 50-летию Советской власти!». Задача спектакля благородна — не

дублировать чужую, хотя бы и знаменитую пьесу, но показать свою о том, что происходило на новгородской земле в тяжелые годы гражданской войны. Тем более что авторы пьесы — режиссер Н. Витарский (он ставил «Больше не уходи») и литератор В. Соколов — старожилы, отлично знающие историю своей области. Они старательно собрали материалы о создании и деяниях Первого коммунистического добровольческого отряда. И эта подлинность жизни возникает в эпизодах спектакля (режиссер М. Михайлов). В бедствиях семьи Беловых. В трудностях создания отряда из людей, вовсе не обученных военной науке. И когда отряд уходит на фронт, оглядываясь назад, на детей и жен, непременно вспоминается «Железный поток» и «Конармия», определяющая их тема народной стихии, впервые оказавшейся непобедимой, потому что она объединилась с разумом, с волей народной партии. В литературе, в театре 20-х — начала 30-х годов тема эта возникла и решалась на редкость широко, правдиво, свободно — стоит вспомнить премьеры «Штурма» и «Любови Яровой», «Бронепоезда», «Анзора», «Гибели эскадры». Позднее народные сцены стали возвращаться к «массовкам», а народные герои выглядели иногда докладчиками, излагающими, почему Советская Россия победила белую Россию и Антанту, но не дающими почувствовать, увидеть, как это происходило. Сейчас наш театр хочет вернуться к народно-эпическому спектаклю, ищет пути к нему то в сегодня написанной пьесе, то в пьесе первого десятилетия революции, то в инсценировке «Конармии» или «Тихого Дона».

В драме и в спектакле «Крещенные огнем» жизненный материал таков, что и здесь могло бы состояться это возвращение-открытие. Развить бы характеры, присмотреться бы к этим красноармейцам, к бабенкам-работницам, провожающим их на фронт, понять — что за человек комиссар, чем живет медсестра Нюрка. Но снова в строй вступает расчет на некоего среднего зрителя, который не пойдет на народную драму и не будет следить за комиссаром. И появляется на сцене нежная девушка благородного происхождения, которой, казалось бы, прямая дорога к белым, поскольку и отец ее перебежал из Красной в белую армию, и дородный полковник угощает ее, ослабевшую от голода, разными соблазнительными вещами, а она все-таки стреляет в дородного полковника. И завхоз (вернее, начхоз) по фамилии Булочкин старательно увеселяет зрителей. И трогает их сердце немая девушка, что приносит венок любимому парню-красноармейцу и рыдает над ним, сраженным вражеской пулей... И только-только начинаем мы верить, что отряд действительно отстреливается

от наседающих и превосходящих врагов, как на сцене под звуки веселого марша появляется музыкантская команда и вносит приятное оживление в сцену боя. А когда музыкантов просят сыграть «Интернационал» и они бледнеют, когда красный командир, взяв за грудки главного музыканта, немедленно обнаруживает у него бумагу, удостоверяющую принадлежность к белой армии, — надежда наша увидеть на сцене правду жизни окончательно рассеивается (хотя в жизни вполне мог произойти такой эпизод) и немногие зрители, вместо того чтобы восхититься бдительностью красного командира, мрачно говорят: «Вот липа-то».

И снова заколдованный круг — чем меньше идет в театр новгородский зритель, тем чаще приходится ездить в область на гастроли и вывозить отдельные спектакли. Половина труппы играет на основной сцене «Больше не уходи». Половина везет в Старую Руссу «День тишины».

Вот и областной Дом офицеров. Актрисы располагаются в его маленькой грим-уборной. Вазелин, вата, разноцветные банки грима на столах, длинные юбки перекинута через спинки стульев, обычные разговоры о том, как трудно устроить ребенка в детский сад и о ставках областного театра. До спектакля — полчаса. Закатное солнце стынет над Руссой. Неподалеку от Дома офицеров — гранитный памятник. Братская могила? Как их много здесь, осененных свежепокрашенными типовыми статуями солдата в плащ-палатке или девушки в военной форме, склонившей голову над могилой. На этой плите одно имя: Тимур Фрунзе. Сын Михаила Васильевича, летчик. Из ближнего дома выходит пара — в Дом офицеров, в театр. В зале снова несколько десятков зрителей у сцены и пустые, длинные ряды кресел сзади. Преобладают женщины с ребятами, которым очень далеко до шестнадцати.

Открывается плюшевый занавес. Пьеса М. Шатрова «День тишины», при всех скидках «на выезд», поставлена вполне корректно (режиссер Г. Дрознес). О. Васильев играет роль Ленина не в первый раз. Играет собранно, просто. Ленин соглашается поехать отдохнуть на Карельский перешеек, беседует с вагонными попутчиками, тайно работает на отдыхе, возится с детьми. Но реакция в зале спектакль почти не вызывает. Его смотрят. Ему немного аплодируют. Самый факт появления на сцене, на экране актера в облике Ленина — привычен. Несколько десятков лет прошло с тех пор, как на сцену вышел даже не актер, но человек, похожий на Ленина, и трепетно затих зал перед ним. Н. Зайцев в книге о решении ленинского образа в искусстве приводит малоизвестный факт сценического воплощения образа Ленина в Тбилиси, в 1919 году: «Зрители уви-

дели на сцене фигуру Ленина. Он стоял, простирая вперед руку. К нему были устремлены взоры окружавших его рабочих, матросов, крестьян... В зале раздавались возгласы: «Да здравствует Ленин! Да здравствует Советская Россия! Да здравствует великий Октябрь!» Зал бушевал... С тех пор в роли Ленина выходили Щукин и Штраух, Скоробогатов и Грибов, Смирнов, Честноков и Смоктуновский! Почти в каждом республиканском и периферийном театрах ставился спектакль о Ленине. Но постановки эти необходимы и оправданы лишь тогда, когда в них раскрываются новые ракурсы великой темы революции. Те, что так весомы, так нужны оказались в трилогии Погодина, в «Шестом июля» и «Большевиках» М. Шатрова.

Но его «День тишины» трудно отнести к числу лучших пьес Ленинианы 50—60-х годов. Как ни странно, но эпизод с финской крестьянкой, которая говорит, что не надо больше бояться человека с ружьем (отсюда и название пьесы Погодина), более впечатлял в изложении Щукина в роли Ленина, а не тогда, когда сама крестьянка появляется на сцене, и солдат несет ее вязанку дров, и она долго говорит по-фински, после чего речь ее еще переводится. Сама поездка Ленина в «день тишины» не стала в пьесе событием, раскрывающим существенные черты ленинской темы. Поэтому документальность пьесы сбивается на иллюстрацию к документам, поэтому так растянуты сцены играющих детишек и так многозначительны появления мрачного юнкера, который не скрывает, а, напротив, как бы демонстрирует военную выправку в своих проходах возле ленинского дома и подозрительных расспросах детей.

Вспоминая свое «Шестое июля», новгородские актеры говорят, что над той пьесой работать было несравненно интересней. А здесь — кончился спектакль, вышли на вызовы один раз, и торопливо разошлись зрители, и торопливо собрались усталые актеры к машине, чтобы тронуться в дальний обратный путь вдоль Ильменя, мимо спящих сел и братских могил. Встречные машины редки, фары выхватывают из темноты однообразную дорогу, женщин с котомками на плечах, «голосующих» людей с кладью и детьми. С общего согласия, шофер подбирает их, и на подступах к Новгороду театральная машина набита, как рейсовый автобус. У гостиницы становится просторней: выходит много театральной молодежи. Она живет здесь на бивуаке, бегаёт с чайниками за кипятком и, заваривая растворимый кофе (если, конечно, он есть), обсуждает дела своего театра и возможности перемены его на другой, от которого зрители не отвыкли так, как отвыкли от него новгородцы.

Конечно же, возможности возвращения и привлечения этих зрителей в театр есть и сейчас, при той же труппе, при тех же трудностях. На спектакле «Ричард III» атмосфера в театре меняется. Совсем не «как по волшебству». Никто не спрашивает у входа лишних билетов, наоборот — билеты в кассе лежат навалом. И спектакль уже очень изношен (он идет третий сезон — очень много для Новгорода), и третий исполнитель главной роли, В. Кожурин, играет Ричарда злобно-деятельного, но мелковатого, лишённого той дерзости и таланта, который был, несомненно, у этого короля убийц, считающего других королей, их детей и жен лишь знаками, фигурами большой игры за корону. Актеры, играющие Шекспира, не очень умеют читать стихи Шекспира (особенно в переводе Анны Радловой); они начинают шиллеровски декламировать, но так как Шиллера читать тоже не умеют, то сбиваются больше на бытовую скороговорку. Густая толпа лордов ходит по сцене, а солдаты Новгородского гарнизона, как в давние времена, изображают стражников, старательно нахлобучивая шлемы и крепко держась за свои копья. И все же у этого спектакля есть замысел, образ (режиссер М. Михайлов, художник Л. Новикова). Есть суровая красно-серая гамма, грубая башня, напоминающая новгородские, торжественные витражи, крик воронов, отчаяние женщин, проклинающих Ричарда, и все же в решающий, в главный момент помогающих ему продвигаться еще на одну ступень.

Театр здесь не «разводит» пьесу, но старается подняться к ней. А это театру необходимо. Причем, не только в самой мрачной, пожалуй, из шекспировских трагедий, но в его комедиях, таких многочисленных и так редко идущих сегодня. Смех, веселье — потребность любого зрительного зала, в том числе и новгородского.

Зала, который оказывается вдруг заполненным до отказа (стоят у дверей!), когда в помещении Драматического театра объявляется вечер джаза Новгородской филармонии под руководством Я. Барбанеля и при участии Б. Соломонова.

Вот когда надевают лучшие свои платья студентки пединститута, которых не затащишь на «Крещенных огнем». Вот когда в зале возникает праздничное ожидание: ждут выхода Якова Барбанеля в элегантном черном костюме, ждут соло на саксофоне, концерта Б. Соломонова, который обличает пьяниц. Певица в коротком вечернем платье (они сейчас столь же коротки, сколь длинны были всегда, отличаясь от повседневных) поет про медведей, которые трутся о земную ось. Микрофон портится, певицу не слышно. Но так как песенку все знают наизусть, то кажется, что девушка поет,

как надо. После концерта расходятся группами, оживленно переговариваясь, обсуждая голос и платье певицы. Настоящий театральный разъезд, — не то, что после спектаклей театра как такового.

Трудности жизни театра очевидны. Но кажется, что к ним уже привыкли настолько, что считают их как бы вечным качеством театра. Не только своего, но вообще областного театра — Великолукского, Рыбинского, Калужского. Причем многие трудности обусловлены именно тем, что в соседней области работает театр-двойник, с которым и гастролями не поменяешься из-за одинакового репертуара. Даже пьесы на «местные темы» вызывают в памяти вереницу подобных же. Правда, руководство театра думает и о других исторических спектаклях на «местные темы». Может быть, это будет история Василия Буслая. Может быть, пьеса о композиторе Лядове. Ну что же — прекрасно, если это осуществится. Только нужно, чтобы спектакль о Лядове не был похож на десятки других биографических спектаклей. Прекрасно, если новгородцы будут осаждают кассу своего театра. И не только новгородцы. Зимой улицы города белы и пустыны, и мало народа в музее, и смотрительниц церквей тревожат редко (кстати, прекрасный этот обычай нужно позаимствовать другим городам и селам, где есть памятники архитектуры. Как часто добравшись до Дубровиц или Радонежа, видим мы ржавый замок на дверях церкви, а найти хранителя ключа невозможно). На дверях новгородских Федора Стратилата, Спаса-Преображения и других памятников XII—XIV веков — аккуратные дощечки с указанием, в какое время церковь открыта для осмотра и где живет смотрительница. Она не сидит возле церкви, но занимается своими делами. Посетителю она даст билет в обмен на гривенник, дойдет с ним до церкви, расскажет, что знает, а знает часто много, и снова вернется к швейной машине. Но летом у смотрительницы работы много. Из Ленинграда на озеро прибудут дачники, горьковчане и красноярцы будут осаждают гостиницу, в которой еле-еле удастся разместить командировочных по номерам-общежитиям, чтобы освободить нормальные номера для шведов, югославов, парижан. Они приезжают десятками тысяч. Они изумляются просторам Ильменя, изумленно осматривают бронзовые врата, захваченные новгородцами в XII веке при взятии шведского города Сигтуны. Они потянутся к монастырям, к Нередице, гиды поведут их в Софию, в Грановитую палату. Мимо невзрачного здания. «А это что?» — «А это наш театр». «Стоит пойти?» — «Да видите ли...»

Театр стоит в стороне от этих паломничеств, экскурсий, распродажи сувениров. Днем туристы

до изнеможения отдыхают. Вечером они тоже отдыхают: могут отправиться на катере по реке, помочь выполнить план ресторану «Волхов», могут слушать ночную тишину возле Кремля и вспоминать старинную песню.

*Город воли дикой,
Город буйных сил —
Новгород Великий
Тихо опочил...*

Хотя совершенно непонятно, почему турист должен слушать только ночную тишину. Во всем мире его зазывают вечерами на театральные фестивали в старинных амфитеатрах и замках. По всему миру расходятся спектакли-зрелища «Звук и свет». Прожектор выхватывает в африканской ночи лицо Большого Сфинкса, и у подножия его едут колесницы фараонов, ржут кони, звучат выстрелы наполеоновских солдат. Зажигаются окна английского замка, раздается крик — словно возвращается ночь знаменитого убийства. Цокают копыта по подъемному мосту, пылают факелы, звучат торжественные хоры. Колокола Брюгге и знаменитого Малина вызывают симфонию Бетховена и «Эй, ухнем!».

Разумеется, в Новгороде вряд ли нужно ставить сегодня «Пешное действо». Но правомерно ли и разумно ли такое странное отлучение театра от реальной перспективы города и приезжих — от театра?

Мы — областной театр, мы — как соседние, тоже областные... Это неправда. Потому что ни один из соседних городов не имеет такой истории, как Новгород. История его равна истории Киева. Архитектура его не менее, вернее — более славна, чем архитектура объявленных ныне заповедными Ростова-Великого и Суздаля. В Суздале усиленно, ударными темпами строятся сейчас туристские комплексы. По Ростовскому кремлю мощно движутся бульдозеры; все в лесах, в краске, в перестройке, в восстановлении. Гостей собираются встречать колокольным звоном, затем они будут париться по-русски в архиерейской мыльне и хлебать уху деревянными ложками из расписных чашек. Пусть себе хлебают — это лучше, чем устраивать в трапезной склад горючих материалов, а в башне — сапожную мастерскую. Только бы это было сделано со вкусом, с чувством меры, только бы массовые туристы не царапали гвоздями свои имена на фресках (в Новгороде после подобного «массового туризма» закрыли для осмотра барабаны куполов Спаса-Преображения и Федора Стратилата: лестницы там узкие, спускаться-подниматься приходится по одному, и, чуть увлечется экскурсовод объяснением значения одной фигуры пророка, глядь — у ноги другого пророка уже изображено чье-то имя). Новгород близок к этим

городам и в то же время не равен им. Не равен потому, что туризм будет вообще основой жизни тех некогда великих городов. Новгород же — живой, промышленный город, стоящий на своих ногах, кормящий всех жителей и привлекающий новых. Сердце области, средоточие всех ее учреждений, в том числе и театра, давно существующего, имеющего трех режиссеров и укомплектованную труппу (хотя и не во всем совершенную). Почему же этот театр делает вид, что он — такой же, как все? «Звук и свет» Новгорода может быть не меньшим, чем эдинбургский или флорентийский: перезвон курантов, перекличка сторожевых на башнях, набат, шум толпы на вечевой площади, на мосту: кто-то вскрикнул, кого-то сбросили в воду, началось побоище улиц-«концов». Свергает вече неугодного посадника. Вступают в город войска московского князя и увозят в вечную ссылку последнюю новгородскую посадницу. И гремят пушки Отечественной войны, встает зарево над городом, испанская «голубая дивизия» прямой наводкой бьет из Юрьева монастыря по одинокой церкви в лугах, по Спасу-Нередице, где ничего нет, кроме росписи XII века, которая рассыпается в пыль и прах. Горит город, горит река, идут на дно кремлевские колокола, которые хотели увезти на барже.

Кстати, это не я придумала, а главный режиссер театра М. Михайлов рассказывал о таком возможном спектакле-зрелище по дороге в Нередицу. Он добыл мне пропуски в недостижимые купола-барабаны древних церквей, и я вблизи увидела столпников Феофана Грека и кольцо пророков и серафимов в одеждах, в крыльях которых играют фиолетовые сполохи грековских красок.

Может быть, потому он и дал волю воображению, что говорил об этом именно как о неосуществимом: помечтаем и пойдем ставить пьесу с пятью женскими и четырьмя мужскими ролями.

Наверное, действительно процессия кораблей на Ильмене и пиротехнические эффекты — дело будущего. Но уж спектакль-концерт о Новгороде вполне в силах театра. Где актеры будут читать строки летописей и сводки Совинформбюро, стихи Рылеева и монологи из старых трагедий, берестяные грамоты мальчика Онфима и указы о присвоении званий Героев Социалистического Труда. Письмо новгородской женки XIII века и письмо старого сторожа Нередицы, который описывает, куда попадали снаряды и что они разбивали. А если повествование будет перемежаться с документальными кинокадрами, впечатление будет вообще незабываемым. Это вообще один из самых дешевых для города и самых эффективных для туриста видов духовной пищи. Нужно для

этого: киноаппарат, киномеханик и самый фильм. Фильм о Новгороде, об его истории, об Отечественной войне и восстановлении можно смонтировать первоклассный. Не один, а серию фильмов. Мне тут же могут возразить: разве для того люди выбирают на считанные дни в чужой город, чтобы там кино смотреть? Не видели они его дома, что ли? Но, во-первых, попробуйте посмотреть перед поездкой на Енисей фильм о Енисее в Москве. Во-вторых — фильм, снятый вот на этом месте, об этом месте, смотришь с большей эмоциональной нагрузкой, что ли, чем просто фильм. Он открывает прошлое и расширяет картины настоящего. Это совершенно реально. И это только одна из возможных реальностей. Русские исторические драмы, находящиеся сейчас в некотором забвении в широкой театральной жизни, но иногда воскресающие неожиданно и прекрасно, рождены, кажется, для того, чтобы показывать их в древней столице Северной Руси. Не только в театре — открытые ныне алтари храмов кажутся подлинной сценой, где можно играть «Бориса Годунова» или странную, кажущуюся такой наивной сегодня пьесу Лопе де Вега «Великий князь Московский», повествующую не более не менее, как о принце Теодоре, то есть том самом Федоре, которого прославил Алексей Константинович Толстой.

Кстати, нельзя здесь не вспомнить этого писателя. Его драматическая трилогия может достаться другим театрам. Но «Посадник» должен принадлежать Новгороду. Тем более что права этого никто не оспаривает после спектаклей Александринского и Малого театров с Садовским, Южиным, Аполлонским, Юрьевым, Тиме в главных ролях. Правда, в тех театрах жива была традиция романтического спектакля, актеры обладали поставленно-звучными голосами и умели носить старинные костюмы, о чем можно судить даже по фотографиям. Но ведь надо же отходить когда-нибудь от пьес «о любви», которые нужно разыгрывать в мини-юбках, сшитых провинциальными портными. Правда, пьеса Толстого обрывается «на самом интересном месте» — но это не мешало успеху ее у зрителей 1918 года. Правда, она сегодня кажется несколько старомодно велеречивой. Но другие пьесы того же А. К. Толстого раскрывают на сцене возможности, прежде неожиданные.

Если с такой «сверхзадачей» будет жить театр — люди не пройдут мимо, но его добрую память, славу и адрес — Новгород, Кремль, 6 — разнесут по стране и миру.